

ПОНЯТИЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ: ПОИСК АДЕКВАТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Автор: Н. В. РОМАНОВСКИЙ

РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович - доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора журнала "Социологические исследования" (E-mail: socis@isras.ru).

Аннотация. **Понятийные, терминологические проблемы отечественной социологии рассмотрены как важная теоретическая составляющая редакционной и редакторской журнальной работы. Развитие понятийно-терминологического аппарата показано как отражение развития социологической теории. Проблематизированы вопросы перевода с иностранных языков, терминологическая и языковая грамотность авторов журнала, типичные ошибки и пробелы профессиональной подготовки.**

Ключевые слова: **понятия в социологии * термины социологические * переводы социологических текстов * развитие социологии * подготовка социологов языковая**

...Напрасные слова - виньетка ложной сути

(Из подслушанного)

Исходным пунктом для подготовки этого текста стали размышления над проблемами социологических понятий и терминов в повседневной работе редактора. Затем объект статьи был уточнен - работа над терминологической стороной публикаций журнала "Социологические исследования" примерно за десять лет. Естественной исходной эмпирической базой разработки темы стали понятийные¹ проблемы, возникающие при этом. Действительно, редактор работает над словами и терминами присылаемых статей на русском языке, с терминами на (или - из) языках(-ов) иностранных. С последним автору нижеследующего текста, фактически выполняющего роль переводчика в журнале, приходится работать порой напряженно. Просматривая свои переводы при подготовке данного текста, я обнаружил ряд неудачных решений, неточностей - также повод для рефлексии. В качестве первичных иллюстраций приведу два запомнившихся случая.

1. В редакцию журнала поступила статья литовских авторов - на русском языке. Отсутствие у авторов практики его использования было заметно, однако совсем обескураживало бросавшееся в глаза отсутствие навыков пользования русским понятийным аппаратом социологии; научная Литва уже почти 20 лет находилась в пространстве Европейского сообщества. В советское же время социологией авторам, видимо, заниматься не довелось. Редактор буквально докапывался до смысла каждой фразы статьи (если это был бы перевод, скажем, с английского, можно было запросить оригинал), ибо ее содержание прочитывалось и было новаторским. В переводе с русско-литовского и полуанглийского языков получилась интересная публикация об общностях - в виртуальном пространстве [1]. Открою редакционную тайну - кто-то

¹ Уточню: статья, имея в виду базовую триаду: *категории - понятия - термины*, преимущественно посвящена смысловому полю "понятия"/"термины".

из редакторов или членов редколлегии позже предложил отметить эту статью среди лучших в том году. Пришлось вносить разъяснения по поводу формы, которую статье придал редактор журнала, что, впрочем, нисколько не умаляет заслуги авторов текста в плане содержания; но какой ценой его удалось расшифровать!

2. Журнал получил предложение от группы отечественных социологов в области гендера и семьи выпустить специальный номер журнала на данные темы. В предложенных текстах был смысловой ряд терминов, отражавший особенности состояния данного круга проблем в кросс-национальном (страновом) разрезе. Соответственно, употреблялись сложившиеся в разных странах и социальных средах понятия, в частности, "*gender arrangement*" - наряду с "*gender order* (строй, порядок)" и др. сходными понятиями. Для набранного курсивом слова "*arrangement*" нужно было придумывать что-то иное. Придумался *уклад* (как сложилось, так сложилось). Но этот термин специалисту - инициатору издания выпуска - "не показался". Специалист в данной области, автор идеи спецвыпуска, проявил оправданный скептицизм в плане необходимости вводить в научный оборот новый термин. Уговоры и разъяснения дали результат: понятие *гендерный уклад* получило доступ на страницы журнала [2].

Понятийно-терминологические "кейсы" случаются практически при прохождении через редакцию каждого номера журнала и доставляют немало головной боли главному редактору. Ведь в конечном итоге, он дает/не дает добро на печатание текста и на введение в научный оборот нового понятия (или на тиражирование ошибок). Не всегда, правда, проблемы словесного оформления новых терминов и понятий удается решать приемлемо. Так случилось с "*cultural sociology*" Джеффри Александера; здесь термин "*cultural*" относится к культуре как изначальной составляющей (независимая переменная) общественного развития, общества, жизни людей. Редакция предложила её трактовку как "культуральной" социологии, хотя экспертам, членам редколлегии журнала такой термин представляется спорным. Но и "культурная" ("культурологическая"?) социология не лучше; адекватного решения не найдено до сих пор. Та же ситуация была вокруг термина "*subaltern*" (переведенного описательно - низшие слои) у М. Буравого [3] - или *партиципация* - понятие из политической социологии. Тут приходится переводить близкими по возможности терминами, приводя в скобках оригинал. Кстати, и перевод на английский язык термина дипломатичной Н. Е. Тихоновой "малообеспеченные" требует основательного проникновения в реальное положение этих слоев, - едва ли не половины населения современной России.

Случаи такого рода стали эмпирической основой написания моей статьи. У нее две цели: 1. Дать некую типологию (уверен, характерных) "кейсов", связанных с социологической терминологией и понятийным аппаратом социологии, 2. Сформулировать обобщения и выводы относительно роли и места данной проблемы в профессиональной социологии России сегодня.

Два типа проблем понятийного аппарата приведены выше (необходимость "глубокой коррекции" и новация). Кроме того, в редакционной работе приходится уточнять, править, "нормализовать" (приводить к принятой норме) понятия, неточно или неверно употребляемые авторами. В применении к текстам на русском языке эта проблема нередко свидетельствует о пробелах в профессиональной подготовке авторов. Удивляться этому не следует: мы имеем дело с пришедшей в социологию, особенно вузовскую, массой обществоведов без базовой подготовки после получения социологией прав полного гражданства. И пробелы эти, видимо, изживать сложно, так как неполное знание воспроизведено в поколениях студентов-социологов, да и в текстах.

Пример частого - неверного, да что там! - социологически неграмотного - использования является собой расширение за пределы стандартов социологии понятия социальный *институт* (частично здесь повлияла "институциональная экономика", использующая понятие *институт* по-своему). Исходной точкой этой ошибки у социо-

логов является неразличение терминов социального института и *институции* (нечто близкое к организации) - терминов иноязычных" (institute - institution), в западной социологии различаемых. На моей памяти институтом авторы пытались сделать музей, библиотеку, нотариат и др. Доказать авторам их заблуждение порой бывает трудно.

Случай с социальным институтом не единственный. Вот понятие "социологическая школа". Классическая Чикагская школа (так называемая первая - примерно 1915 - 1935 гг.) как школа - образец². Уровня этой школы удастся добиваться не всем и не всегда. Однако правомерно ли применять понятие "школа" к 1) так называемым "школам одного фактора" конца XIX - начала XX века; уместнее сказать - "*теории* одного фактора"; 2) к наработкам социологов городов, регионов Российской Федерации, как поступали авторы ряда статей, публиковавшихся в нашем журнале летом 2008 года в связи с 50-летием создания Советской социологической ассоциации и 40-летием Института социологии? Патриотизм (местный, этнический) способен заслонить достижения в науке. На мой взгляд, в нашей стране понятие "школы" максимум применимо к Новосибирску, когда там работала Т. И. Заславская.

Довелось править примерно такую фразу: *как известно, термин концепция произошел от английского слова концепт*, - краснеть за таких знатоков английского приходится. Все же большинство научных терминов современной западной и мировой социологии пришло из латыни и в меньшей мере - греческого³, - языки, которые в царские времена отечественная интеллигенция знала, или знала об их существовании. И хочется предупредить молодых коллег: не сомневаюсь, доживете до времен, когда в социологии встанет вопрос о китайском, арабском, санскрите и т.п. Учите языки - когда еще электронные штучки уравниваются с мозгами профессионала-социолога высокого класса! Просто перевода слов к тому же недостаточно. Требуется проникать в суть понятий или терминов, в авторское понимание их содержания, включая понимание ограниченности возможных переводов, то есть - требуется основательное знание языка.

Кстати, с *концепцией* и *концептом* редакция журнала коллективно разбиралась - по словарям и справочникам, советам посвященных. Установили: концепт - начальная, первичная стадия "схватывания" понятия, формирования его, за чем следует концептуализация и появление концепции. Подобные операции по установлению смысла иноязычных понятий редакция осуществляла не раз: припоминаю корпоративную культуру, дискурс, симулякр⁴, агент (в отличие от актора - здесь помощь оказал профессор Н. Е. Покровский) и т.п.

Иногда проблема неверно употребляемого термина приобретает принципиальный и даже политически судьбоносный для страны оттенок. Таков "случай" с метафорическим употреблением понятия "**элита**". В России - при активном участии обществоведов - этот термин внедрен в обиход без учета базовых, исходных и казавшихся непоколебимыми положительных качеств этой группы. К моменту лавинообразного внедрения этого термина в политический новояз России в читавшихся курсах речь шла о кадровой работе, кадровой политике и т.п. В основе понятия *кадры* лежит сталинская модель - колесики и винтики аппаратов, исполнители приказов сверху; правда, исходный смысл 1930-х годов к этому времени был уже затерт и забыт. Но практики времен "кадровой работы" сохранялись; ими и наполнили термин "элита". Но как быть с отечественным коррупционным и антинародным оттенком термина, перечеркнувшим все базовые исходные качества этого слоя! Соперничавший было с

² Среди них - известность, выходящая за рамки страны.

³ Чувствую ущербность, не зная исходных смыслов (ключевых по логике изложения) греческих слов, использованных, например, президентом Международной социологической ассоциации А. Мартинелли в докладе на Брисбенском конгрессе МСА в 2002 г.: *ethnos, logos, topos, ethos, epos* (См.: Социол. исслед. 2003. N 1. С. 21).

⁴ Кстати, студенты находят способ хотя бы запоминать такие диковинные слова. Слышал от студентов шутку-импровизацию: "Когда я слышу слово дискурс, я хватаюсь за свой симулякр!"

элитой "**персонал**", тем более - человеческий ресурс, - отодвинуты на задний план⁵. Как так: быть при власти и ничем не выделяться среди простого народа, населения, электората? Это не по-нашему.

То же произошло с понятием "**государственная служба**". У нас служили спокон веку государю и государству, отнюдь не народу или обществу. Отсюда неловкость при переводе этого понятия, скажем, английский язык, где оно звучит как служба *публичная*⁶. Русскому слово *публичная* в контексте государственных дел кажется странным, как и позитивная - в веберовском смысле - характеристика *бюрократии* - рациональной, законопослушной, четко регулируемой; и т.п.

Научную и общественно-значимую грани проблемы употребляемых социологами понятий выделял П. Бурдьё. Отвечая на вопрос: "Почему Вы употребляете особый и нарочито трудный стиль речи, который часто делает Ваши собственные рассуждения недоступными для непосвященного?", он подчеркнул (привожу его суждения предельно кратко) важность защиты истинного смысла научных данных "от искажений и ложных толкований...", от наивных проекций здравого смысла" [4, с. 104 - 105]. Я передал лишь часть оценок классика - перечитайте слова Бурдьё полностью! Сказанное выше о понятиях элита, государственная служба, кадры - вполне подпадает под эту логику. Пока говорят и мыслят стандартными понятиями, не ждите, что станет меняться российская социальная реальность.

Сколь важна для создания исследовательского инструментария точность перевода - хорошо известно всем, кто работал в международных проектах. Там применяют отработанные процедуры неоднократного обратного перевода текстов интернациональных опросников с языка на язык с целью достижения единообразия не только смыслов, но и смысловых оттенков. Иногда приходится жертвовать оттенками смысла задаваемых вопросов, идти на упрощения ради смысловой унификации для разной языковой среды. Впрочем, подтекст не исчезает, его можно извлекать внимательным анализом и использованием комплекса методик.

За прошедшее после 1989 г. время в России переведена значительная часть социологической литературы, прежде всего - классической. Занимается этим и журнал "Социологические исследования" при четко сформулированной линии редколлегии: в любом случае, прежде всего, представлять на своих страницах отечественную социологию. Накоплен опыт переводов, их редактирования. Начну с того, что уже написал: перевода при помощи даже самого полного словаря недостаточно для успеха в преодолении понятийных барьеров; требуются проникновение в суть понятия, в замысел автора, адекватное понимание понятийных языковых трудностей и возможностей перевода. Иными словами - высокий уровень владения иностранным языком и научной терминологией. Ведь речь в научных текстах зачастую идет о тонких авторских оттенках значений, смыслов; словари не в состоянии отразить все нюансы мысли авторов; к тому же немалую роль играет научный контекст.

Обращу внимание на понятийные поля специальных отраслей социологии как постоянное место появления все новых терминов. Ж. Т. Тощенко неоднократно отмечал, что терминологический аппарат - показатель состоятельности специализированной отрасли знания социологов, - состоявшейся специальной социологической дисциплины. Продолжу эту мысль: глубину воздействия на науку и общество всякой новой отрасли научного знания можно оценивать масштабом вызванных ею появления, конструирования научных терминов (пример - атом, атомное ядро, электрон, пи-мезон и т.д. и т.п.).

Вот пример влияния роста научного знания на понятийный аппарат отраслевой социологии. "Социологические исследования" проводили заочный круглый стол по

⁵ Главный редактор журнала давно и критично выступил по этому поводу. См.: *Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек* (2-е изд.). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008, гл. 17. Элита: клики, кланы, касты?

⁶ Да что публичная, даже *гражданская служба* не прижилась иначе, как в противоположность *военной службе*, пардон - службе в силовых органах.

относительно новой отрасли социологического знания - исторической социологии. Участникам его был предложен вопрос: "Имеется ли в исторической социологии - наряду с общим - собственный понятийный аппарат?" [5, с. 41]. Большинство (включая автора настоящих строк [Там же, с. 52]) сомневалось в наличии особой терминологии у исторической социологии. Исключение усмотрел Г. Е. Зборовский; Б. Н. Миронов указал на термин Н. Элиаса "фигурации" [Там же, с. 48]. Картина получалась ясной.

В дальнейшем изучение *историзации* (интеграция исторического измерения во все компоненты социологического знания) переубедило меня: терминология в смысловом поле исторической социологии меняется и обновляется [См.: 6]. Сам термин историзация и производные (глаголы to historize, historicize) - примеры новых терминов (неологизмов). Появились "исторические" и "неисторические социологи". Новыми смотрятся или являются термины деволуция, "безвременность" ("timeless theory" - теория, лишенная элемента времени), "неоизм"⁷. Вслед за *становлением* появилась *эмерджентность*. Объекты внимания "исторических социологов" описываются терминами: продолжительность, протяженность, темпы, ритмы, траектории, циклы, последовательности, обратная связь, "pastness - прошлость", темпоральность и темпоральный, клиентерапия, плотность, "укорененность" - от англ. *embeddedness*⁸. Правда, новации эти относятся скорее к комплексу социальных наук. Можно утверждать, что понятийное поле исторической социологии будет прирастать за счет терминов, связанных с социальными аспектами времени [См.: 7, 8].

Отдельный тип понятийных и терминологических проблем вытекает из необходимости достижения терминологического единообразия, унификации терминов и понятий. К сожалению, в нашей практике это бывает далеко не всегда. Ключевые для социологии термины и понятия, представлявшие в истории социологии своего рода вехи, переводятся по-разному, что, в частности, - и это хуже всего - имеет место в вузовских учебниках социологии. *Введение в заблуждение* войск и населения противника (в нашем случае - студентов и преподавателей) - примерно так подобного рода акции называют военные.

Рекорд по этой части, видимо, принадлежит переводам так называемых парных переменных Т. Парсонса, к чему внимание читателей журнала привлекла Т. В. Емельяненко [9]. Осмелюсь утверждать: ничего не изменилось с тех пор. Никто из отечественных социологов по-настоящему не проник в систему мышления Парсонса; логика формирования им понятий и терминов остается нераскрытой, без чего надежно перевести этот комплекс понятий не удастся. Да и некому в нашей социологии авторитетно сказать: отныне парные переменные Парсонса переводить так и не иначе!

"Кейс" разночтений Парсонса не единичен. Скорее, наоборот. Недавно Г. Е. Зборовский выпустил труд о теории социальной общности. Там безоговорочно указано, что в социологию это понятие (Gemeinschaft) введено Фердинандом Теннисом [10, с. 45 - 50]. Между тем, нередки случаи, когда Gemeinschaft переводится как "община", с переносом проблемы в плоскость аграрного (или религиозного) бытия - вместо общечеловеческого явления. Я не привожу имен авторов, делающих и воспроизводящих эту ошибку - могу кого-то пропустить - скажу лишь, что примерно половина рефератов о Теннисе студентов-социологов, изучающих у меня курс истории зарубежной социологии, воспроизводит ее. Кто перед ними извинится? Или им в суд подавать на плохих редакторов и переводчиков?⁹

⁷ *Неоизм* - то, что - по утверждению (на мой взгляд, спорному) приверженцев - не имеет пока истории (например - субкультуры, эксперименты, *андерграунд*) и, следовательно, не поддается историзации.

⁸ В строительной терминологии глагол "to embed" означает, среди прочего, установку в укладываемое бетонное основание металлических "закладных частей", к которым потом, когда бетон схватится, будут крепить многотонные конструкции. Смысл термина *embeddedness*, иными словами, связан с наличием/отсутствием глубоких, прочных корней, с *укорененностью*.

⁹ А ведь неплохая идея!

Схожей представляется ситуация с терминологией, сложившейся в конце XIX столетия в ходе так называемого "спора о методах" [11, с. 273 - 282]. В нем, среди прочего, фигурировали термины *идиография* (древнегреч. - описание единичного) и *номотетика* (понятие-обобщение). Вместо идио- пишут идео-, под влиянием, наверное, идеологии? Хорошо еще, что аномию с анемией путают только студенты. Можно понять нежелание путаться в неизвестных словах. Мне самому не нравится слово, к примеру, "велферизм" (Социол. исслед. 2000, N 11, с. 32), но не знаю, как точнее передать стоящие за этим словом понятие и реалию? К тому же, лучше было бы, если бы мы третируем, как иноземные, слова *стресс*, *аллергия*, *синдром* и т.п.?

Но вернусь к "введению в заблуждение". Р. Мертон в оригинале писал о теории среднего радиуса действия; влияние представлений о трехуровневой структуре социологического знания привело к тому, что в обиход вошла "теория среднего уровня". Разнобой, вводящий в заблуждение студентов, окружает перевод трудно переводимого термина Г. Зиммеля *Vergesellschaftung* (тут, видимо, целесообразно прибегнуть к описанию - возникновение общественного в ходе общения, взаимодействия, или что-то в этом роде) - *обобществление* вызывает ассоциации с национализацией собственности. Т. Парсонс придумал для этого зиммелевского словечка английский неологизм - *социация*.

Случаи описания (не перевода) распространены. На презентации перевода "Компендиума по социологии" В. Парето, когда зашла речь об известных "резидуях" последнего, В. А. Ядов напомнил, что П. А. Сорокин переводил этот термин посредством объясняющего понятия "базовые потребности" [12, с. 175]. Касясь "резидуев", и я осмелился предложить вариант описания - "*отложения*". Английский словарь по гидростроительству именно этим словом переводит термин *residues*. Все, что несет река в своих водах, оседает на ее каменном, скальном основании (ложе), образуя придонные *отложения* (англ. - *residues*). На них и опираются фундаменты гидротехнических сооружений. "Отложения" Парето в антропологическом смысле - это культурный фундамент эволюции/деволюции, создаваемый человечеством в его "производительно-разрушительной деятельности" (О. Н. Яницкий [13, с. 117 - 118, 121]).

Больше повезло введенным в социологию Дж. Г. Мидом понятием *I and Me, game and play* - привлекло внимание тонкому и вдумчивому переводу его понятий в работе Е. И. Кравченко [14]. Это результат фундаментальной работы ученого над творческим наследием Мида, проникновения в специфику его мысли, в обстоятельства формирования и появления его "брендовых" терминов и понятий, как ранее - Э. Гофмана, Т. Парсонса, М. Вебера.

Более или менее авторы трудов по истории социологии разобрались с "серендипити" Р. Мертона. Вопрос в другом. Если в нашей научной и - шире - социальной среде правильные переводы известных понятий приживаются с трудом, что говорить о многочисленных новинках от П. Бурдьё (докса, габитус и т.п.), Э. Гофмана (стигма, фреймы и т.д.), Н. Лумана (аутопоейсис, контингентность, раздифференциация и т.п.), М. Буравого (коммодификация, субалтерн), теории "актор-сеть" Б. Латура. Есть ли уверенность, что они понята адекватно авторским замыслам?

Хотелось бы видеть упорядоченность в переводах используемых нами терминов. Все знают Валлерстайна, но переводы его терминов, связанных с мир-системным анализом, не унифицированы. В переводах социокультурных суперсистем нашего соотечественника П. А. Сорокина единства также нет¹⁰. Frame analysis Э. Гофмана переводят и как анализ фреймов и как рамочный анализ. Переводчики названия известной книги Р. Коллинза "The Credential Society. An Historical Sociology of Education

¹⁰ Кстати, Сорокин быстро понял роль и значение неожиданных новаций в словаре социолога - в "Социальной и культурной динамике" он фактически сконструировал понятия *ideational*, *sensate* (плюс более понятную - *idealistic*) суперсистемы культуры и т.п. Он и позже употреблял не вполне английские слова - *uniformities*, *congeries* и т.п.

and Stratification. N.Y., San-Francisco, L.: Academic Press. 1979" [см. высказывания об этой книге в интервью Р. Коллинза - 15, с. 128 - 129], по-видимому, не вполне проникают в замысел автора и смысл слова "Credential": диплом престижных вузов, как верительная грамота (Credential), открывает избранным двери, в которые не каждому дано войти, тем самым внося вклад в социальную стратификацию. Еще одно хорошо известное слово "поворот" (turn) - но когда этих поворотов с дюжину, и когда они относятся к подвижкам в современной социологии, над смысловым содержанием *поворотов* следует думать. А как будем переводить набирающую популярность теорию того же Р. Коллинза "interaction ritual chains": "сети интерактивных ритуалов" или "сетевые ритуалы интеракций" или "ритуальные сетевые интеракции"? Всяк по-своему?

Легко попасть впросак на так называемых "ложных друзьях переводчика" - например английское "perspective" к перспективам не имеет отношения, а в контексте означает "взгляды", "подходы" [напр.: 16, с. 4]. Или "fictional" - слово, на первый взгляд, связанное с фикцией, а на деле - "художественный вымысел" [17, с. 113]. В рукописи известного социолога (память, видно, его подвела) я правил немецкое "эрзацкоммандо"; автор определенно имел в виду "айнзацкоммандо": эсесовские головорезы, уничтожавшие все живое. Не обходятся без курьезов и переводы именитых авторов. Известные Бреттонвудские (*Brettonwoods* - городок на атлантическом побережье США) соглашения 1944 г. о послевоенном устройстве мировой валютной системы в книге Э. Тоффлера [18, с. 386] переводились как леса (*woods*) Бретани (*Brettori*) - буквально дух захватывает. В другом тексте знаменитую "Янтарную комнату" советовали искать в городке на реке *Донау*, - занятие на всю жизнь, поскольку такую реку невозможно найти: Донау - это Дунай. В вышеуказанных случаях ситуация проста - в ее основе стремление схватить (гонорар за перевод) и убежать: ведь постоянных редакторов, проверенных переводчиков у издателей зачастую нет. А пользователи, главным образом студенты и преподаватели, пусть учат, а потом переучиваются.

Значительная часть современных проблем с понятийным аппаратом социологии связана с детерминирующими факторами, которые движут развитие этой науки. Социология развивается, растет, меняется. Эти процессы и генерируют новации, включая новые смыслы старых терминов и понятий, новые термины и понятия. Новации в социологии неизбежно порождают новации в ее словарном составе. В последние годы этот процесс развивается стремительно. По этой причине редакция журнала вторично после 2002 г. [См.: 19] посчитала целесообразным обратиться к обсуждению проблем понятийного аппарата. За шесть с небольшим лет проблематика понятийного аппарата и в мировой, и в отечественной социологии заметно изменилась.

Можно обозначить три источника пополнения понятийно-терминологического аппарата социологии, определяющих, детерминирующих этот процесс, да и развитие всей социологии. 1. Это сами социологи, их находки, открытия, искания. Творческие усилия социологов на протяжении всей истории нашей науки приводили и приводят к появлению новых понятий, наполнению старых новым содержанием. Действительно, прав был поэт: "слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают как платье". В случае смысловых помех в виде обветшалых понятий сошлюсь на личные исследования исторической социологии. Современная историческая социология совершенно не похожа на ту, что считалась нормой еще лет 60 - 70 назад - расшифровка законов эволюции человеческого общества. Между тем, в начале 1990-х по нашим литературным источникам этот факт установить было трудно.

2. Смежные науки, с которыми взаимодействует социология, науки и общественные и точные (изобретение компьютера, например, палеогенетика и т.п.) постоянно генерируют новое знание, нуждающееся в новом словесном оформлении, без чего не может обходиться ни одна наука. Массы слов пришли в социологию на роли важ-

ных социальных понятий из синергетики (бифуркация, нелинейность, хаос, самоорганизация). Эра компьютера принесла в язык человечества понятия Интернет, цифровой, виртуальный, интерфейсы, чипы, чаты и т.п. Дальнейшие примеры считаю излишними.

3. Источник новых понятий для социологов - это меняющийся, обновляющийся мир человека, который не может не производить новых явлений на всех уровнях социума от макро- до микро-, нуждающихся в словесном обозначении. В последние 20 лет такого рода понятий в языковом обороте общественных наук появилась масса, например, неудавшаяся, на мой взгляд, попытка создать "*транзитологию*" - отрасль знания о переходе от государственного социализма к либеральному капитализму. Несколько слов о понятии этого же ряда - *глобализация*. Термин сей все же социально-философский, метафора с известной долей умозрительности. По моему убеждению, социологам не следует брать его в качестве базы для теоретизирования, что иногда предлагают [20, с. 145]. Его конкретное наполнение не установилось, нуждается в социологическом исследовании; результатом может стать утверждение иного понятия. Ведь не на пустом месте возникают идея "множественных глобализаций", гибрид *глоболокализации!* Раз за разом эмпирические данные не подтверждают линейности процессов глобализации, как игры в одни ворота. Перевод термина *modernity* не решен удовлетворительно. А *модернизация* вообще термин, чреватый заблуждением: то ли речь идет о стремлении достигнуть "модернити" (свободный рынок, открытое общество, либеральная экономика и т.п.), то ли о подтягивании материального и культурного уровня страны до неких стандартов.

Проблемы выхода на уровень современного социологического знания для нашей относительно молодой науки нуждаются в глубокой рефлексии. Собственно, желание редакции журнала "Социологические исследования" привлечь в этом году внимание социологов именно к данному кругу проблем такой целью и продиктовано. Работа над понятийной составляющей социологического труда - всегда важная часть теоретической работы социолога. Сошлюсь на пример известного социолога Н. Смелзера, который выступление при вручении ему почетной премии МСА начинает с развернутого пояснения определений "компаративный анализ", "междисциплинарность", "интернационализация" [21]. Образец в этом плане - статья немецкого социолога М. Гросса о "неизвестном" в теории и практике социологии. Переводчику вслед за автором пришлось излагать детали оттенков семантического поля - *незнание* - на европейских языках, на которых создавались оригинальные произведения. Примерно половину текста занял разбор соответствующего круга понятий, их употребления в работах классиков социальной мысли, - что само по себе является исследованием, исследованием ищущей мысли, начиная от Сократа [22, с. 13]. К сожалению, в силу относительной молодости отечественной социологии такого рода работа у наших ученых нормой не стала.

Невнимание к этому делу - часть отсутствия установки на создание новых терминов, понятий, на развитие социологической теории. А развитие ее - что показывает мировой опыт истории социологии, - один из источников пополнения словаря социологов и спутник ее прогресса. Подчеркну, наши социологи в ряде случаев близки к уровню работы такого рода. В лекциях Ю. А. Левады по социологии 1968 г. ряд мыслей напоминает взгляды на культуру, которые позднее разрабатывались Дж. Александером. Термин "социальная активность", сформулированный в 1960-е годы, в 2000-х [23] вторгается в суть социального действия, внося элемент новизны в терминологическое поле, образуемое понятиями "действие", "социальное действие", "агентность", "структурация" (Гидденс решительно отвергал вариант "структурирование" [24]), "креативность" и т.п.

Конечно, возвращаясь к затрагивавшемуся выше сюжету о переводах и переводчиках социологических текстов, это поприще для России чрезвычайно важно. Без взаимодействия нашей социологии с передовой современной социологической мыслью нам не обойтись. Безусловно прав наш литовский коллега А. Валентеюс [25], рас-

смагивая перевод как часть теоретической работы социолога. И еще: поэтому столь важна огромная работа С. А. Кравченко по созданию и изданию специализированных социологических многоязычных словарей. К сожалению, его усилия по созданию компетентных пособий для переводов носят "рекомендательный" характер и унификацию языка отечественных социологов не обеспечивают. Здесь не последняя по значимости больная точка нашей социологии, на чем задержу внимание читателя. В очередной раз остается посетовать на отсутствие у нас действенной профессиональной ассоциации, одна из секций которой могла бы регулировать приток новых понятий и терминов из иностранных языков, бороться с непрофессионализмом и отсебятиной, помогать переводчикам социологических текстов.

Повторюсь: суть проблемы в том, что понятийный аппарат социологии напрямую отражает процессы, перемены, накопление, прирост знания и т.д. Появление новых теорий, подходов, концепций никогда не прекращается. Словари никогда не будут поспевать за новациями жизни языка науки. Тем более, они никакой помощи не окажут при расшифровке неологизмов конкретного автора с развитым социологическим воображением. Переводы не решают проблемы большой отечественной социологии, максимум - облегчают жизнь студентов-социологов. Проблема, перед которой стоит российская социология, гораздо масштабнее. Профессиональный социолог (да и любой профессионал с высшим образованием) должен владеть (хотя бы свободно читать) как минимум двумя иностранными языками. У нас коллеги в большинстве случаев осмысливают приходящие из мировой социологии понятия через русский язык, не имея прочных представлений об оригинале на языке, которым писал творец понятия.

Знание иностранных языков - серьезная характеристика такой социальной группы, как ученые. Для современной России она стоит достаточно остро. В царской России образование в гимназиях и университетах исключало практически возможность попадания в эту группу без знания ряда иностранных языков (включая латынь и греческий). О. Н. Яницкий напоминает, например, что еще в 1930 - 1940-е годы в советской науке было заметным присутствие европейски образованной (заканчивавшей европейские университеты или учившейся в них) и европейски ориентированной группы (автор употребляет слово "каста") [13, с. 10]. Сейчас положение ближе к обратному, то есть знание иностранных языков стало исключением. Иногда оно связано с традицией той самой досоветской социальной группы - ученые. Тот же Яницкий без видимых усилий на фестивале молодежи в Москве в 1957 г. смог работать переводчиком с португальским языком, поскольку был погружен к этому времени в изучение архитектуры знаменитого бразильца Оскара Нимейера [Там же, с. 33]. Позднее он без видимых усилий в плане языка работал с социологами практически всей Западной Европы.

"Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается; при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого", которое, продолжал К. Маркс, цепко - как рука мертвого - держит настоящее под своим влиянием [26, с. 253]. Вот и история современной российской социологии подтверждает, что традиции страны, укорененные в ее истории и настоящем (реальный облик реальной социальной группы) - противятся прогрессу нашей социологии. Маркс был прав. Слабое знание языков в массе постсоветской интеллигенции - одна из нерелефлексированных граней наследия сталинского времени. У нас с конца 1920-х годов на незнание иностранных языков выпускниками университетов, вузов и втузов глаза сознательно закрыли - не до этого было; стройки пятилеток нужно было комплектовать грамотными исполнителями, способными дать стране уголь, нефть, сталь, чугун. А в конце 1930-х знать языки, тем более в результате пребывания за границей, было чуть ли не гарантией 58-й статьи; в анкетах был раздел, требовавший перечислять случаи пребывания за границей.

И не только в этом видна "рука мертвого". В нашем научном словаре до сих пор понятия типа "космополит" вызывают негативные ассоциации; с ними пришлось

столкнуться при переводе одной статьи [27]. Нет-нет, да и употребит кто-то фразочку "вульгарный социологизм", уже не помня, что она из лексикона громивших так называемую "школу Покровского" в середине 1930-х. Да, в нашей научной среде слишком многие на вопрос о владении иностранным языком отвечают "читаю со словарем". Со словарем читать можно, понимать - не всегда.

Суммируя сказанное, обозначу ряд больных проблем: 1. Речь идет не просто о качестве перевода, а о проникновении в суть проблем, постепенно становящихся главными для нашей социологии, - проблем серьезной теоретической работы. 2. Теорию нельзя откладывать на потом, пускать на самотек. Ею нужно заниматься с самого начала пути в науке - то есть в университете, на этапе базовой подготовки специалистов-профессионалов. 3. Проблема переводов и знания иностранных языков - это часть общегосударственного дела - качество подготовки специалистов - не только социологов. 4. Речь идет о специфике облика важнейшей социальной группы нашего общества - ученые. Времена выходцев из рабоче-крестьянской или военной интеллигенции позади; очередной задачей становится подготовка специалистов европейского, мирового уровня - это значит, среди прочего, свободное владение одним-двумя языками. 5. Языковая отсталость - залог слабой ориентации в глобализирующемся мире, что мы видим (к примеру) в наших СМИ, заполненных поверхностно подготовленными в социальных науках обладателями дипломов. 6. Непонимание властными структурами социальных граней обозначенной ситуации - предпосылка урона, который страна несет и будет нести при невмешательстве узко мыслящих, не умеющих видеть фундаментальные проблемы страны. 7. И еще - надо решать проблему иностранной научной литературы; в бюджеты университетов необходимо закладывать средства на оплату доступа профессоров, преподавателей, аспирантов к текстовым интернет-ресурсам. Зарплаты большинства из них не позволяют платить за доступ к зарубежным журналам и монографиям. А без информации большинство будет работать вслепую. В лучшем случае - изобретут велосипед.

При поддержке РГНФ (проект N 09 - 03 - 00109a)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ринкявичукс Л., Буткявичене Э. Концепция общности (Gemeinschaft/community) и ее специфика в виртуальном пространстве // Социол.исслед. 2007. N 7.
2. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада; Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социол. исслед. 2000. N 11. С. 24 - 35; 63 - 73.
3. Буравой М. Комментарий: за глобальную социологию низших слоев? // Социол. исслед. 2009. N 4.
4. Бурдые П. Социолог под вопросом // Социол. исслед. 2003. N 8. С. 104 - 113.
5. Историческая социология: опыт и перспективы (заочный "круглый стол") // Социол. исслед. 2005. N 1. С. 41 - 53.
6. Романовский Н. В. Историзация - закономерность развития социологической теории // Социол. исслед. 2008. N 10. С. 3 - 13.
7. Сорокин П. Л., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социол. исслед. 2004. N 6.
8. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени: теоретический анализ // Социол. исслед. 2003. N 8.
9. Емельяненко Т. В. Проблема перевода социологических терминов // Социол. исслед. 2002. N 6.
10. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности: монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009.
11. Давыдов Ю. Н. Неокантианские импульсы теоретико-методологических исканий социологии XX в. // История теоретической философии. Т. 2. М.: Канон+, 2002.
12. Социологический журнал. 2008. N 2.
13. Яницкий О. Н. Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М.: ИС РАН, 2009.
14. Кравченко Е. И. Джордж Герберт Мид: философ, психолог, социолог. М.: МГЛУ, 2006.